

ОЛИМПИЗМ КАК ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

*Визитей Николай¹,
Манолаки Вячеслав¹*

¹Государственный Университет Физического Воспитания и Спорта, Кишинэу

Резюме. Рассматривается олимпизм как возможный вариант философии жизни современного общества. Отмечается правомерность высказываемого в Олимпийской Хартии мнения, что наиболее последовательное и полное свое воплощение идея олимпизма находит в спорте. Показано вместе с тем, что это справедливо, прежде всего, для античного спорта и существенно в меньшей степени для спорта, существующего в настоящее время. Анализируется вопрос о тех мерах, которые целесообразно принять для более активного и глубокого укоренения принципа олимпизма в спорте и для действительного превращения Олимпийского спорта в философию жизни современного человека.

Ключевые слова: «философия жизни» – сущность феномена; агональность как универсальное социальное явление; спорт как самодостаточная соревновательная деятельность; олимпийский спорт как перспективный вариант философии жизни современного общества.

1. В Олимпийской Хартии сказано: «Олимпизм – это философия жизни, возвышающая и объединяющая в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума» [11, с. 9]. Философия жизни! В чём суть такого рода философии и какие ещё её варианты нам известны? Буддизм, Христианство, Ислам – три философии религиозной жизни. Демократия, Либерализм, Тоталитаризм – три философии жизни светской. Не трудно заметить, что существует и множество других философий. В принципе, каждая историческая эпоха, цивилизация, культура – это особый вариант такой философии. Более того, очевидно, что и у каждого человека тоже есть своя «философия жизни», ведь человек – осознающее своё присутствие в мире существо. Он не просто живет, а замечает себя и поэтому живет по-особому. Его жизнь есть онтологическая

ситуация специфического характера – ситуация замкнутого на себя, рефлексивного, бытия. Человек – метафизическое существо: его существование уже сама по себе есть некая практически свершаемая философия. (М. Хайдеггер: «Метафизика – есть фундаментальное событие в человеческом бытии» [16, с. 460]; М. Мамардашвили: «Человек не собирается, если он не совершает определённые философские акты, знает он об этом или нет» [6, с. 11]; Он же: «Действительно человеческое в нас лишь метафизическое» [7, с. 346].)

2. Философия, таким образом, это, прежде всего, способ существования человеческой жизни как таковой. Некоторые варианты философии жизни, будучи представленными в словесной или в текстовой форме, при определенных обстоятельствах становятся авторитетными религиозными, философскими или политическими доктринами для большого числа людей. В частности, это Буддизм, Христианство и Ислам. Их обычно называют *мировыми* религиями. В то же время, очевидно, что о мировом характере, о глобальности этих религий, или каких-либо других мировоззренческих парадигм, существующих в настоящее время на доктринальном уровне и популярных в обществе, можно говорить в значительной мере лишь условно. Действительно, каждая из них, в том числе, каждая «мировая» религия, возникла на протяжении истории и имела преимущественное влияние, а также нередко и сегодня ее сохраняют лишь в *определённом* регионе. Конечно, в наши дни,

в условиях *глобализации* социальной жизни, былая региональность ослаблена, однако, в целом она в значительной мере сохраняется. Уже то обстоятельство, что мы говорим сегодня не об одной, а о нескольких мировых религиях, в определённом отношении свидетельствует об этом. Поэтому о существовании в нынешних условиях философии жизни всеобщего характера допустимо говорить, вероятно, только в том смысле, что все мы затронуты, часто и не отдавая себе в этом отчета, указанной глобализацией и в этом плане *находимся в социально-культурном пространстве*, которое можно с некоторой долей условности считать для всех нас общим. Вместе с тем, на *доктринальном* уровне соответствующей идеи в настоящее время всё ещё нет. Можно, конечно, сказать, что философия сегодняшнего дня – это *постмодернизм*. Он, как известно, вскрывает относительность всех представлявшихся ранее радикальными различий, развенчивает все устоявшиеся стереотипы самосознания. При всём этом, однако, он не доводит анализ существующей ситуации до требуемого результата: не обеспечивает осмысления на концептуальном уровне реально существующей общности, а поэтому не даёт возможности этой общности стать в полной мере «реальностью для себя», а значит, свершиться в качестве общности полномасштабно. Ю. Хабермас справедливо характеризует постмодернистскую философию как «незавершенный проект» [13, с. 37].

3. Сегодня необходима философия, которая более фундаментально, чем традиционная, отражает особенности социальной жизни – и в горизонтальном, и в вертикальном её измерениях, которая более широкомасштабна и более глубинна одновременно. *Широта жизни без глубины теряет требуемую высоту*. Но именно такова наша ситуация,

и именно в таких обстоятельствах заостренно ставится в настоящее время вопрос о нахождении философии жизни, об обретении жизнью адекватной философии, о *жизни как о свершающейся философской истине*. Олимпийская Хартия предлагает нам олимпизм, как перспективный вариант решения данной проблемы. Но это предложение, следует подчеркнуть, по своей сути остаётся пока ещё исключительно заявочным. В нём нет развёрнутой *доктринальной оформленности* принципа олимпизма. Идея сбалансированности (гармонии) человеческого существования, которая здесь предлагается, – это, фактически, одна из наиболее популярных и, по сути, нестареющих идей в истории человеческого общежития, и предложение этой идеи, которое даёт Олимпийская Хартия, само по себе, без соответствующих конкретизаций и разъяснений является лишь очередным, можно сказать, декларативным указанием на желаемое, романтическим призывом к должному. Концептуальная представленность этой идеи и захваченность ею общества в целом является необходимой предпосылкой её реализации. Определенная новизна сегодняшней ситуации состоит в рассматриваемом отношении только в том, что нам предлагается считать, прежде всего, *спорт* той деятельностью, где данная идея находит свое наиболее полное воплощение. (Олимпийская Хартия программно утверждает: «Целью олимпизма является повсеместное становление спорта на службу гармоничного развития человека с тем, чтобы способствовать созданию мирного общества, заботящегося о сохранении человеческого достоинства» [11, с.9]). Спорт, таким образом, представляется здесь как, по крайней мере, один из возможных и один из главных носителей олимпийской идеи. Однако, отметим ещё раз: какие-либо общетеоретиче-

ское обоснования этого мнения в Олимпийской Хартии, концепция которой, как известно, принадлежит П. Кубертену, полностью отсутствуют, как, заметим, они фактически отсутствуют к сегодняшнему дню и на уровне философских, а также научных исследований, посвященных проблемам олимпизма. Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что в Олимпийской Хартии исходное определение олимпизма не содержит упоминания о спорте, да и вообще какой-либо дефиниции спорта в этом основополагающем документе нет, что, откровенно говоря, вызывает определённое недоумение.

4. Предлагая принцип олимпизма в качестве базового для спорта, а идею спорта в качестве базовой в трактовке принципа олимпизма, как философии жизни, П. Кубертен стремится, во-первых, облагородить спорт, а во-вторых, сделать его (в этом облагороженном варианте) эффективным средством улучшения современного общества в целом. П. Кубертен глубоко воодушевлен данной перспективой. Вместе с тем, основанием этого являются для него не столько, опять-таки, результаты аналитического просчета идеи спорта и идеи олимпизма, сколько общее впечатление об античном спорте, *интуитивное усмотрение* в нём ситуации, в которой воодушевляющее П. Кубертена стремление реализуется полномасштабно. П. Кубертен учится, можно сказать, у греков, и он призывает нас поступать также. «Моя концепция спорта, – говорит П. Кубертен, – всегда отличалась от концепций большинства спортсменов. Для меня спорт был религией со своей церковью, своими догматами, своей службой, но прежде всего, – религиозным сознанием» [8, с. 91-92]. (Отметим, что, говоря «религиозным», П. Кубертен имеет в виду, по сути, «метафизическим».) Он сетует: «Спортивная религия».

Древние понимали смысл этого словосочетания; наши современники ещё не улавливают этого» [18]. П. Кубертен рекомендует учиться у греков, и в этом, важно подчеркнуть, он глубоко прозорлив. М. Хайдеггер, оценивая нашу сегодняшнюю ситуацию, компетентно утверждает: «Любое осмысление современности в целом способно возникнуть и укорениться лишь при условии, если в диалоге с греческими мыслителями оно пустит корни в эту почву нашего исторического бытия. Такой диалог пока ещё дожидается своего начала. Он едва только подготовлен, и он сам для нас, в свою очередь, – предварительное условие для неизбежного диалога с восточно-азиатским миром» [15, с. 332].

5. Спорт наших дней отличается, конечно, от античного спорта. Однако по своему глубинному, по своему экзистенциально-сущностному смыслу они сходны. Прежде всего, следует отметить, что и там и здесь этот смысл предопределён в решающей степени тем обстоятельством, что в основании спорта, в том числе спорта олимпийского, лежит *соревновательное* (агональное) отношение, которое является фундаментальным, всеобщим событием в существовании и движении мира. Причём спорт – это не просто одна из возможных агональных деятельностей, а «чисто соревновательная деятельность» [2, с. 126]. Он – *самодостаточное соревновательное отношение*, также, заметим, как самодостаточна, к примеру, наука как познавательное отношение, или мораль, как отношение нравственное. *Спорт воспроизводит саму по себе ситуацию справедливой, честной победы*. Всё это ясно понимали греки. Можно вспомнить, в частности, Гераклита (VI-V вв. до н.э.), считавшего, что мир есть единство и борьба противоположностей [3, с. 177], а также Эмпедокла (V в. до н.э.), который по-

лагал, что жизнь Космоса определяется взаимодействием, соперничеством двух стихий, одна из которых – это *Филия* («Любовь»), а другая – *Нейкос* («Вражда»). [17, с. 351-352]. («Из борьбы противоположностей, – говорит Ф. Ницше о представлениях грека, – возникает всякое становление... Всё происходит сообразно с этой борьбой и именно в ней вечная справедливость» [10, с. 216].) Существенно, что свершение этой справедливости на социальном уровне связано с проявлением *волевых усилий* человека, направляемых – и это принципиально существенно – не на обеспечение победы одной из противоборствующих сторон над другой, а на сопряжения противоположных начал, на обеспечение проникновения одного начала в другое. *Это не слияние противоположностей, а их взаимообратимость*. Здесь человек воссоединяется с миром и становится при этом активным участником (со-участником) его самодвижения, участником становления мира, которое свершается в пространстве *телесного местоположения* человека, переживающего – *проживающего* – ситуацию этого становления, и здесь, как замечет М. Хайдеггер, «самоидентификация человека соответствует самораскрытию бытия» [16, с. 347]. Здесь человек реализует и обретает себя *сущностно* – в качестве субъекта ответственного действия, *субъекта должностования*. (М. Бахтин: «Я принимаю свою ответственность за своё существование» [1, с. 77].) Соревнование на социальном уровне это процесс самореализации, самоутверждения человека. Здесь, *обострённо противостоят друг другу*, но при этом также и *сопрягаются, два базовых человеческих стремления – к индивидуализации и к соучастию*. (П. Тиллих: «Я становится Я лишь потому, что у него есть мир, структурированный универсум, которому оно принадлежит и от которого оно в то

же время обособлено, Я и мир коррелятивны, также коррелятивны индивидуализация и соучастие» [12, с. 21].)

6. Спорт воспроизводит агональный процесс в структурно упорядоченной и подчёркнуто акцентированной в основных смысловых моментах развёртывания этого процесса форме. Он до предела активизирует и обнажает суть стремления человека к *личному успеху* (при этом успех здесь, прежде всего, ассоциируется с результативным внешним самоутверждением), а также, провозглашая и последовательно проводя в жизнь *принцип честного соперничества*, активизирует другое стремление – к продуктивной, созидательной *отданности* человеком себя сообществу, в котором он соревнуется, к самоутверждению *внутреннему*. Человек стремится и получает возможность в полной мере пережить свое пребывание в мире в качестве того, кто миру тождественен, и вместе с тем в качестве того, кто миру радикально противопоставлен. Утверждение человеком себя в такой ситуации есть реализация его стремления к «честной победе» в соперничестве за высший статус – за статус субъекта, который выступает в роли фактора воссоздания и укрепления такого сообщества, в котором только и возможны в полной мере справедливая индивидуальная победа, однозначное и объективное определение социальной значимости человека, в котором задана мера его исключительности – *среди равных, равнодостоинных*. И это сердцевина философии спорта – и в её деятельно-практической и в её концептуальной представленности.

7. Спорт – чрезвычайно напряжённая нравственно-психологическая ситуация. Здесь предельно обострена способность человека реалистично и ясно воспринимать мир и, соответственно, реализуя принцип справедли-

ности, продуктивно в этом мире действовать. В то же время здесь максимально высок риск, связанный с возможностью оказаться во власти одного из вариантов самоутверждения: *исключительно внешнего* (потенциально это случай *деятельно-агрессивного* поведения) или *исключительно внутреннего* (потенциально – поведения *пассивно-инфантильно-го*). Всё это и есть спортивная деятельность, обнажающая суть принципа человеческого агонального существования, способствующая пониманию человеком смысла этого существования и полноценному в его рамках духовно-практическому самоутверждению. Это спорт в его сущностном варианте – как реализующийся принцип олимпизма, и это олимпизм в своей полномасштабной представленности – свершающийся в форме спорта. Это – *олимпийский спорт и спортивный олимпизм*. Подчеркнём ещё раз, что здесь перед нами не философия упрощённым образом понимаемой сбалансированности и гармонии, когда последняя мыслится как ситуация, в которой встречающиеся противоречия просто нивелируют друг друга. Олимпизм – это гармония, в которой противостояние представлено рельефно и полномасштабно: не ослаблено, а акцентировано. И в то же время, это ситуация, в которой каждая из противоборствующих сторон полностью проникнута другою. М. Хайдеггер характеризует такого рода ситуацию как *всеобщую* и подчёркивает, что в ней имеет место, «не блаженное благоговение, а борьба с непреодолимой двусмысленностью всякого вопрошания и бытия» [16, с. 473]. Здесь происходит не свёртывание сознания в точку, не его угасание, уход в ничто, а разрастание пространства актуального присутствия сознания, его *предельное прояснение*. Можно сказать также, что спорт обострённо воспроизводит, по сути, базовую ситуацию

человеческой коммуникации с её неустранимой двойственностью. К. Ясперс говорит об этой коммуникации как о процессе, который характеризуется «той единственной в своём роде борьбой, тождественной любви, той «любящей борьбой», которая не смотрит на мир исключительно как на гармонию, делающую коммуникацию вообще невозможной, а ставит всё под вопрос, порождает затруднения, и претензии которой, при исключительной солидарности касающихся друг друга лиц, весьма серьёзны» [5, с. 217].) Олимпизм – это ясное видение противоречивости мира, острое переживание драматизма бытия и это воодушевлённость человека возможностью выступить фактором созидания, вопреки, а, по сути, *благодаря* этому разрушительному драматизму. *Чувство воссоздания жизни* в данном случае – это переживание человеком всепобеждающей уверенности, что отнять у него радость *деятельного жизнеутверждения* ничто и никто не могут, и это высшее человеческое чувство. Спорт потенциально даёт человеку глубокую *общемировоззренческую компетентность*. (Н. Ниссиотис: «Человек посредством спорта открывает, что смысл его существования состоит в постижении высшей формы бытия» [19, с. 173].)

8. Соревнование является основой процесса человеческого бытия как бытия метафизического. Соревновательность (агональность) в её полной свершённости – это и есть философия жизни и в её деятельно-практическом проявлении, и на уровне её доктринальной представленности. Ж. Делёз и Ф. Гваттари отмечают: «Если философия действительно, как утверждают, берёт свое начало в Греции, то это потому, что в греческом полисе, в отличии от империй и государств, изобрели агон как правило общества «друзей» – людей, которые свободны, поскольку соперничают

между собой (граждан)» [4, с. 14]. Они же: «Агон – это атлетизм, возведённый в общий принцип» [4, с. 11]. Это очень важное для темы нашего анализа суждение. Здесь постулируется, что сущностным состоянием бытия является состояние высшей *духовно-практической энергетики*, энергетики агонального существования. Только в атлетическом, только в сильном состоянии, как подчёркивает М. Мамардашвили, «рождаются достоинство, честь, мысль, истина, когда же мы не в сильном состоянии, мы плохо мыслим, более того, плохо поступаем» [6, с. 320]. Олимпизм – *философия сильного состояния*. Это следует помнить в контексте попыток сформулировать и обрести соответствующую сегодняшней ситуации философию жизни. И здесь очевидна важность спорта в усвоении и реализации принципа олимпизма. Действительно, нашей жизни сегодня недостаёт, прежде всего, должного духовно-практического тонуса, захваченности человека чувством абсолютной самодостаточности ситуации пребывания его в мире в качестве соучастника (совместно с Космосом, Богом, Всеобщим и т.п.) жизни бытия. Олимпийский спорт предполагает это в полной мере. Он также предполагает синтез традиционных и всё ещё в значительной степени авторитетных и сегодня мировоззренческих парадигм (Античность, Христианство, Буддизм и др.) [2].

9. Философия жизни – это, прежде всего, *этическая философия*. Она утверждает, что мериллом значимости той или иной деятельности как носителя определённой философии жизни, является то, насколько данная деятельность является реальным воспроизводством ситуации *самодостаточного рефлексивного существования*, насколько она может сделать и реально делает человека состоявшимся, удовлетворённым и счастливым

и насколько сущностно содержательно состояние этого счастье. Можно в связи с этим спросить: способен ли олимпийский спорт дать человеку такую возможность? – Несомненно, способен. И немаловажно, вновь обратим внимание на данное обстоятельство, что это не то счастье, когда человек гарантировано защищён от ударов судьбы, а счастье, которое обретается человеком в ситуации, когда он поставлен в эпицентр человеческого бытия, которое всегда драматично. *Олимпизм – это этика, которая ориентирует человека на высшее жизнеутверждение, на утверждение жизни перед лицом небытия*. Очень точно говорит Майкл Новак: «Мы, смертные, всегда, рано или поздно, проигрываем в игре жизни. Мы умираем. И спортивное состязание – это ритуально повторяющиеся триумфы человека над одним и тем же соперником – над смертью» [7].

10. Подводя итог сказанному, отметим, что идеей спорта глубоко проникнуто существование современного человека. Сегодня очевидна высокая захваченность человека данной идеей на эмоциональном, интеллектуальном и деятельно-практическом уровнях. Можно говорить о том, что *философия спорта* реально и значимо присутствует в жизни современного человека. Это, по сути, свершившееся и постоянно свершающееся вновь и вновь событие. Анализ показывает, что предпосылкой этого является то обстоятельство, что спорт подчёркнуто агональная деятельность. Именно актуализация агональности как одного из наиболее глубинных пластов человеческого существования, которая осуществляется в спорте, создаёт основу для притягательности спорта – и как зрелища и как формы практических занятий, притягательности, которая сегодня проявляет себя повсеместно. Однако современный спорт не

реализует в полной мере ту идею, которую он как самодостаточная соревновательная деятельность потенциально несёт в себе, и это препятствует превращению его в полноценное, метафизически фундированное мировоззрение, в полномасштабно реализующуюся философию жизни. Спорт, который в полной мере развёртывает потенциал заложенной в его основу агональности, это и есть олимпийский спорт. Можно сказать, что олимпизм – это та цель, к которой, в конечном счёте, спорт внутренне устремлён в своей реализации. Необходимо более актив-

но поддерживать эту устремлённость, способствовать тесному единению идеи спорта с идеей олимпизма, что, по сути, предполагает более *глубокое понимание и духовно-практическое освоение* идеи агональности, являющейся основой спортивного взаимодействия. *Нам нужен подлинный спорт – спорт олимпийский!* И этот спорт действительно может выступить, может предстать перед нами как свершение желаемого – *как обретение современным обществом полноценной философии жизни.*

Литература:

1. Бахтин М. (1978) Вопросы литературы и искусства. Москва: Искусство. 326 с.
2. Визитей Н., Манолаки В. (2015) Идея олимпизма и спорт (философско-культурологический анализ проблемы). Кишинёв: ГУФВС. 264 с.
3. Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. Москва: Наука, 1984. С. 176-256.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. (2009) Что такое философия? Москва: Академический Проект. 261 с.
5. Коммуникация // Краткая философская энциклопедия. Москва: Прогресс, 1993. С. 216-217.
6. Мамардашвили М. (1993) Картезианские размышления. Москва: Прогресс. 352 с.
7. Мамардашвили М. Лекции по Античной философии [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.psylib.Ukrweb.net/books/mamtr_01//xt19.htm – Лекция 12. 12 с.
8. Кубертен П. (1997) Олимпийские мемуары. Киев: Олимпийская литература. 398 с.
9. Новак М. Спорт в Америке: [Электронный ресурс] /Режим доступа: <http://arhive.svoboda.org/programs/otv.2004/obt.120504.asp/> – 12 с.
10. Ницше Ф. (1994) Философия в трагическую эпоху. Москва: Наука. 280 с.
11. Олимпийская Хартия (в действии с 7 июля 2007 г.) // Международный Олимпийский Комитет. – Лозанна / Швейцария: МОК: 2007. 46 с.
12. Тиллих П. (1995) Мужество быть // Тиллих П. Избранное: Теология культуры. Москва: Юрист. С. 7-131.
13. Хабермас Ю. (1995) Философский спор вокруг идеи демократии // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Москва: АО «КАМІ». С. 33-56.
14. Хайдеггер М. (2007) Наука и осмысление // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. Санкт-Петербург: Наука. С. 320-350.
15. Хайдеггер М. (1998) Письмо о гуманизме // Проблема человека в Западной философии. Москва: Прогресс. С. 314-356.
16. Хайдеггер М. (2007) Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. Санкт-Петербург: Наука. С.452-477.
17. Эмпедокл // Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. Москва: Наука, 1985. С. 350-414.
18. Couberten P. From L'Espprit D'ympique // Revue Olympique, juillet, 1908. P. 19-27.
19. Nissiotis N. Philosophy of Olympism // Report of the 18 Session of the IOA. Athens, 1979. P.170-178.